

ИНТЕРАКТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

М.Б. Бергельсон

Обоснование

Очевидно, что давнее и близкое знакомство с Юбиляром должно облегчать написание любого текста, посвященного ему. Но, как и всякое достоинство, переходящее при его избытке в недостаток, так и глубинность знакомства, так сказать — приближенность к объекту (в данном случае — Адресату) — исследования, не может не влиять на четкость восприятия.

В моем случае нас спасет широта. Именно многочисленность и разветвленность тех функций, которыми мы связаны с Юбиляром, может придать моему тексту присущую мне и совершенно необходимую в данном случае поверхностность. Так сказать, легкость касания предмета. «Интерактивность» лингвистики понимается в этой статье как взаимодействие между научными исследованиями с их результатами и разными другими событиями из жизни Юбиляра и повествующими о них анекдотами.

Мы с юбиляром соавторы по жизни. В прямом и в метафорическом смыслах этого слова («соавторы») и в прямом и сленговом употреблении этого словосочетания («по жизни»).

История вопроса

Наше сотрудничество с Юбиляром часто принимало форму соавторства. Это были полипредикативные конструкции в дагестанских и тувинском языках, пропозициональная деривация, и наконец, Аляска, точнее — Аляскинский русский. И здесь важны не только совместные доклады и статьи, но то, как осмысление нашего опыта исследования языков Аляски в гуще жизни их носителей пробудило интерес к контактной лингвистике, речевым практикам, проблемам традиционных культур.

В 1997 году нас с Юбиляром пригласили активисты из Нинильчика — поколение полу-носителей, слышавших в детстве, как поколение бабушек и отчасти родителей говорили между собой на русском, — приехать и записать «их слова». Так начался проект Словаря русского языка деревни Нинильчик.

Это было не осознанное нами, заказанное, но правильное решение — собрать лексику, причем именно именную лексику, которая отражает специфику мира окружающего сообщества. Как мы упоминали потом в публикациях, основой для элицитации именной лексики служил словарь языка денаина Джима Кари (Kari 1994). Мы действовали в соответствии с методиками полевых лингвистов: так как Нинильчик — поселение пенсионеров Российско-американской компании, образованное в 1847 году, — находилось на землях атабаскского племени денаина, мы ожидали а) заимствований из этого языка и б) картины окружающего мира, отраженной в лексике. Наши ожидания были связаны с подкованностью в лингвистике, которую в наше время принято называть «внутренней» (чтобы избежать привязки к дескриптивной, структуралистской, функциональной или генеративистской парадигме). Эти ожидания были обмануты. Заимствований из денаина было ровно два слова на тысячу собранных имен существительных (и еще два — на тот момент — из языка алютик). А картина мира, встававшая за этим словарем была типично русская — деревенская, слегка сдобренная охотничьим и лососевым промыслом. Это и побудило нас заняться, так сказать, «внешней лингвистикой», то есть контекстами существования языка во времени, пространстве и социуме. Ни одна из сфер социогуманитарного знания не оказалась лишней. Пришлось стать немногим историками и антропологами, чуточку социологами, политологами и экономистами. Да что там — специалистами в области экологии лососевых рыб и популяций лося! Лишь чуть-чуть мы продвинулись в архивном деле, совсем немного — в области алеутских и эскимосских языков. Неудивительно, что наш проект, учитывая и привходящие обстоятельства, растянулся на 25 лет (NRD 2017–2019). И все это время мы делали доклады и писали про Аляскинский русский вместе с Юбиларом. Поэтому мне трудно удивить его какими-то новыми находками. Однако последние 4 года нам помогают студенты, расшифровывающие устные записи и найденные нами в 2019–2021 годах письменные свидетельства существования Аляскинского русского. Благодаря нашим студентам из МГУ и ВШЭ удалось сильно пополнить корпус расшифрованных интервью и рукописных источников, а также качественных звуковых записей. Нет-нет, да и совершаются локальные маленькие открытия.

Ниже я расскажу о двух словах и словечках, представляющих несомненный интерес, но не получивших достаточного внимания в наших публикациях. Они не образуют класс явлений, а интересны сами по себе, в частности, тем, что были обнаружены случайно и не сразу опознаны как нечто новое и неожиданное. «Интерактивность» их описаниям придают аллюзии к событиям из жизни Юбиляра или к семейным нарративам, которые, фактически, по прошествии лет ничем не отличаются от событий, поскольку последние также превращаются в нарративы.

Экзотические фрукты

Последнее по времени добавление в Словарь русского языка дер. Нинильчик — далее NRD (2017–2019) — это слово *kasába*. История его «появления» такова. В 1997 году на самом первом этапе работы в словаре появилось слово *Kasáman*. Это было имя собственное, кличка, которой почему-то дразнили в детстве одного из жителей Нинильчика Алика Осколкова (Alec Oskolkoff). Звуковой файл для этого слова нужно было перезаписать — это касалось многих единиц словаря, так как оцифровка исходных записей была произведена нашим соавтором с техническими ошибками. И в 2012 году мы занялись, в частности, перезаписью звуковых файлов для уже имеющихся в словаре статей. В феврале 2023 года при работе с уже «разрезанными» на слова звуковыми файлами выяснилось, что то, что я предложила нашей информантке Сельме Лиман произнести как *kasáman*, на самом деле отчетливо звучит как *kasába*, причем более чем один раз — см. звуковой файл <https://drive.google.com/file/d/1c2KKFK04qMGxEmDs6Dnn6nGac8trSmy2/view?usp=sharing>. Сельма не знала (или не помнила) кличку Алика Осколкова, значит она произнесла какое-то другое слово. Довольно быстро выяснилось, что это пришедшее из Турции обозначение круглой желтой дыни типа известной нам канталупы или еще более известной «колхозницы». Вот что можно найти о происхождении этой дыни и ее наименования на специальных сайтах: “Casaba melons are believed by experts to be native to Persia and have been cultivated for thousands of years. In the Early Ages, the melons were spread throughout Asia Minor and were also introduced into the rest of Asia and Europe, where they were consumed as a dessert variety. Casaba melons were brought to the United States in the late 19th century and were imported from Kasaba, Turkey, a city that inspired the melon’s commercial name” (https://www.specialtyproduce.com/produce/Casaba_Melon_1342.php). Я оставляю в стороне вопрос о персидском или турецком происхождении слова, так как для целей данной статьи важнее ответить на вопрос о том, что представляет собой произнесение этого слова Сельмой, одной из последних носительниц Нинильчикского варианта аляскинского русского (АР) — употребление слова, заимствованного из английского в АР и освоенного им в качестве единицы языка, или переключение кода. Последнее менее вероятно, так как слово было произнесено без перехода на английскую фонетику. Опора на способ произнесения представляется вполне достаточным основанием для такого вывода. Аналогичное противопоставление, причем на уровне минимальной пары, было засвидетельствовано нами ранее, когда наша информантка Бетти Портер на протяжении нескольких минут в спонтанной речи на АР произнесла для обозначения автомобиля сначала *utamabil’*, а потом — со стандартным американским произношением — *automobile*.

Данный случай иллюстрирует явления, хорошо известные тем, кто работает с исчезающими языками, подверженными высокой степени аттриции у немногочисленных носителей. А именно — индивидуальное варьирование, различия в данных, полученных с разницей в 5–10 лет, необходимость различения заимствований и переключения кодов. Но также это пример демонстрирует, что в первой трети XX века сельские жители захолустной деревни на Аляске (!), креолы, относимые американским государством к людям второго сорта, имели в своем лексиконе слово для деликатесного десерта — дыни, выращиваемой в Калифорнии и Мексике.

Возникнув в моем нарративе как объект лингвистического исследования, дыня связывает его с другим, семейным, нарративом. Это почти легенда, так как я знаю ее от Юбиляра, Юбиляр от своей мамы Антонины Ивановны Коваль, та — от своего мужа Александра Евгеньевича Кибрика, который будучи нарратором, выступал в мире истории в качестве главного протагониста — то ли актора, то ли пациента, то ли экспериенцера. И как во всякой легенде, или мифе, точность деталей не так важна. Но образ, движение, запах (дыни, конечно!).

Дело было так. А.Е. Кибрик, отец Юбиляра, юный, 20-летний возвращался со своей мамой Лидией Яковлевной Тимошенко из Крыма за рулем подаренной отцом «Победы». Где-то в Херсонской области среди степного бурьяна, на пыльной дороге они нагоняют арбу (от этого слова так и веет Ходжой Насреддином; наверное, там был и ишак, который эту арбу тянул, но, бедный, не попал в историю). Арба доверху набита круглыми желтыми дынями (есть ли у арбы верх? я представляю себе такую маленькую пирамиду Хеопса из желтых круглых кирпичей-дынь). «Сашка, купим дыню» — говорит Л.Я. Она выходит из машины, втягивает степной воздух, который пахнет ишаком и дынями и говорит: «А, чего там, берем всю арбу» (в смысле, все дыни, но без ишака и самого средства перемещения дынь). А.Е. тщательно распахивает дыни во все мыслимые и немыслимые места «Победы». Как повествует легенда, дыни катались по полу машины, попадая под педали тормоза и газа, а запах был немыслимо густ и прекрасен. Потом семья ела дыни до Нового года.

Экзотические части тела

Обозначения разных частей тела обязательно входят в самые первые словники, которые полевые лингвисты проверяют в каждом языке. В NRD были словарные статьи для лексем *pál'its* и *bal'shóy*. Почему мы не спросили *мизинец* и *указательный* — загадка, возможно объяснимая тем, что в исходном словнике, построенном на словаре лексики денаина Джима Кари, этих слов не было. А дальше нас подвело как раз то самое знание русского языка, которое неизменно помогало во всех других ситуациях. Ведь всем известно,

что первый палец на руке называется «большой палец». И только в 2019 году, случайно, при проведении опроса по видовым глагольным противопоставлениям, а вовсе не элицитации лексики, в речи Сельмы всплывает *ya swoy kudúk atrézala*, что, как выясняется, обозначает ‘я порезала большой палец’.

Таким образом к тринадцати¹ уже имевшимся заимствованиям из эскимосского языка аляутик (AL) добавилось и четырнадцатое — *kudúk* ‘большой палец’.

И когда Сельма произнесла эту свою фразу про «отрезанный» (= порезанный) большой палец, само это «неправильное» с точки зрения современного русского языка употребление глагола *отрезать*, заставило меня и Юбиляра вспомнить одно и то же. Ну то есть Юбиляр вспомнил само событие, а я нарратив, слышанный не один раз. Но разве воспоминание о событии не есть тот же нарратив, в котором человек вспоминающий нечто, выступает в качестве Адресата нарратива, в то время как нарратором является нейронная сеть, называемая нашим сознанием?

Сама же история о том, как будучи еще школьником, но уже серьезно увлекаясь фотографией (увлечение, пронесенное, как говорится, сквозь года), Юбиляр очень сильно повредил большой палец. Практически отрезал от него кусок, когда в руках разбилась банка с проявителем для пленки. Антонина Ивановна крепко примотала отваливающийся кусок к пальцу, и он прирос. Правда, с тех пор у Юбиляра в этом месте шрам и утеряна чувствительность, что в свою очередь вызывает в памяти историю о том, как Юбиляра ужалил скат. Тоже в палец, только на ноге, и в Мексике. Чувствительность пропадала где-то на полгода. Было очень больно и довольно опасно, так как скат нам попался хоть и маленький, но весьма ядовитый. Вот здесь я уже могу употребить местоимение, указывающее на мое непосредственное участие в событии, а не просто знание нарратива о нем. Иными словами, я выступаю как в роли нарратора, так и одного из участников события. Думаю, что моя роль может быть обозначена как *Квази-пациент*, так как муки сопереживания позволяют на нее претендовать. А уж тревожилась, то есть — подвергалась опасному психологическому воздействию, приводившему к серьезным изменениям в сознании, я точно больше, чем сам Экспериментер, когда приехавшая мексиканская скорая помощь стала вдумчиво объяснять нам, что сейчас будет происходить с Юбиляром — спутанность и потеря сознания, кома и прочее — если только они немедленно не сделают чудодейственный укол. Все это, и последовавшая за этим часть повествования прекрасно укладываются в функции и сюжеты Владимира Проппа (1928). После того, как *Герой* подвергся *Опасности* и выкарабкался из нее с помощью *Друга*, он отправил-

¹ Про два из AL заимствований еще не все ясно. Это слова *pag'ilk'i* — ‘driftwood’ предп. из AL *pug'iláq* и *kál'uk* ‘chamber pot, honey bucket’ предп. из AL *qaaluq*.

ся совершать *Подвиг*. Подвиг состоял в том, что несмотря на все, включая связанную ногу, Юбиляр в тот же день провел очередную лекцию из своего цикла лекций по референции в дискурсе. А весь университет к тому времени уже знал о том, какой опасности он подвергался и как мужественно ее преодолел. Не помню, есть ли функция *Молва* в репертуаре Проппа, но она играет важную роль в этом нарративе, не говоря уже о современном информационном пространстве.

Ну а возвращаясь к обозначениям частей тела в Нинильчике, можно еще добавить, что из всего трех этимологически непонятных нам слов АР два обозначают части тела: *kámka* ‘пенис’ и *n’úshk’i* ‘женская грудь’. Третье слово — *makúla* ‘домашняя брага’. Что-то в этих местных инновациях, созданных в Нинильчике, есть домотканое, так и веет детско-подростковым сленгом. Как известно, именно подростками прибавляется язык. Вдобавок, дошедший до нас словарь АР вообще содержит довольно много слов, коллокаций, шуток и прибауток из детско-подросткового языка. Ведь именно тогда — и почти никогда позже — наши информанты пользовались им как основным средством коммуникации.

Вместо заключения: о пользе спонтанного дискурса и сложностях русского вида

К числу неожиданных находок необходимо отнести еще два заимствования из аляутика. В АР это своего рода грамматические показатели совершаемости — *gón’ay* ‘всегда’ и *awáy* ‘уже’. Единственные заимствованные имена. Получить их в результате элицитации можно было только случайно. Они нашлись далеко не сразу — только в материалах экспедиции 2017 года. И это как раз не неожиданность. Наши информанты постепенно обретали вкус к родному, но мало использовавшемуся языку. Зачем нужен спонтанный дискурс, если его некому адресовать. Но то, что казалось невозможным в 2012 году, к 2017-му стало реальностью. Сельма стала говорить с нами, а не просто «порождать предложения». Стала рассказывать пусть короткие, но истории на АР. И вот тут-то и выплыли эти два слова: *Ya awáy ad’ihál* — ‘I have already rested’; *On gón’ay na láydu id’ót* — ‘He is always going to the beach’. Как мне представляется, не в силах переварить тонкости видовых противопоставлений русского глагола, аляскинский русский двинулся в сторону аналитического способа передачи перфектива (*awáy*) и репетитива/итератива (*gón’ay*).

Нам еще не до конца ясны контексты употреблений этих маркеров. И я хочу пожелать Юбиляру, чтобы для наших исследований на Аляске более актуальным была бы совершаемость *gón’ay*, нежели *awáy*. И не только для Аляски!

Литература

- NRD 2017–2019. Bergelson M., Kibrik A., Leman W., Raskladkina M. 2017. *Dictionary of Niničhik Russian*. Anchorage, Minuteman Press. 148 p. — см. также интерактивную версию 2019 года — <https://iling-ran.ru/circumpolar/library/niničhikdictionary/lexicon/index.htm>.
- Kari, James. 1994. *Dictionary of the Dena'ina Athabaskan language. Vol. 1: Topical vocabulary*. Fairbanks, AK: ANLC. Ms. 333 pp.
- Пропп В.Я. 1928. *Морфология сказки*. Л.: Academia.